

«ДЫХАНИЕ НАШИХ ЗНАМЕН...»

Когда Ираклий Абашидзе читает стихи, будь то большой концертный зал или кружок начинающих поэтов, импровизированная площадка на заводе, чайной плантации, винограднике или у пастухов и овцеводов в горах, — равнодушных не бывает.

Высокий, сохраняя и в 73 года юношескую стройность, он читает просто и безыскусно, чуть глуховатым голосом «простуженного соловья», как прекрасно сказал о нем Михаил Дудин.

Земля Грузии, ее богатая природа, ее прошлое и настоящее — неисчерпаемая кладовая поэзии Героя Социалистического Труда, академика Академии наук Грузинской ССР Ираклия Виссарионовича Абашидзе.

В двадцатых годах Ираклий Абашидзе начинал как комсомольский поэт. Прошло более пяти десятилетий, но и сегодня его стихи отмечены не только глубоким знанием жизни, философским осмыслением действительности, но и звонкостью, молодым порывом.

Мы попросили поэта рассказать о времени и о себе, о поэзии и жизни...

— Наверное, надо сказать несколько слов о начале, детстве, юности, ведь именно в эти годы начинает формироваться человек как личность и как художник. Родился и рос я в Западной Грузии. Наш город Хони (сейчас Цулукидзе) славился своими литературными и театральными традициями. С изысканной словесностью, как говорили тогда, я познакомился в раннем возрасте благодаря родителям. У отца была неплохая библиотека, и чтение книг стало моим любимейшим занятием. Впоследствии, в школе, я редактировал рукописный журнал.

Стихи начал писать в школе. Впервые напечатался уже будучи студентом Тбилисского университета. Это была ни с чем не сравнимая радость. В тот день я специально долго гулял по проспекту Руставели, хотел убедить себя в том, что меня узнают прохожие, смотрят на меня с восхищением. На самом деле все было иначе. Сейчас не люблю вспоминать свои первые стихи. Я их не включил ни в один из своих сборников.

В двадцатых — тридцатых годах в Тбилиси я занимался в кружке молодых писателей. Мы ездили в сельские рай-

оны — там полным ходом шла коллективизация, на стройку первой в Грузии гидроэлектростанции — ЗАГЭС, в Колхиду, где осушались заболоченные земли... В результате появлялись очерки, корреспонденции, репортажи. Самым употребляемым словом в них было — «первые». Подобные командировки давали возможность чувствовать грандиозность свершений, духовно обогащали, помогали правильно оценивать протекающие социальные процессы.

В тот период я сильно увлекался поэзией Маяковского, Блока и Галактиона Табидзе. Пытался даже писать под Маяковского, но из этого, как и из любого подражания, ничего путного не вышло.

Старался овладеть мастерством, понимая, что оно заключается не только в высокой технике, неожиданных метафорах и эпитетах, а объединяет все компоненты стихотворения, обуславливает его идейно-художественную целостность и ценность.

Не мне судить, каких я тогда добился успехов на избранном поприще, но в 1934 году писательская организация республики наряду с местными литераторами делегировала меня на I съезд советских писателей. Мне тогда исполнилось двадцать пять лет, и был я самым молодым делегатом. Съезд рассмотрел ряд важнейших проблем, в том числе и вопрос о классическом наследии, положил конец нигилистическому отношению к культуре прошлого. Это вызвало позицию партии и имело колоссальное значение для строительства новой, социалистической культуры. Впечатления, полученные в Москве, незабываемы и по сей день.

Атмосферу тридцатых годов, по-моему, наиболее емко и ярко выражают слова Маяковского: «Вперед, время! Вперед, вперед!». Страна строила, плавала сталь, вырабатывала урожай, но уже ощущалось приближение войны. И вскоре она разразилась.

В годы войны был в Крыму, под Москвой, на Северном Кавказе, на Украине. В те годы написаны стихотворения, которые очень дороги мне.

— Многие ваши стихотворения, созданные в те годы, такие, например, как «Капитан Бухандзе», стали народными, были положены на музыку. Тема войны волнует вас и сегодня?

— Да, и это естественно. Мы живем в неспокойное время, когда на планете убивают беззащитных женщин, детей, стариков. В 1945 году мы думали, что положили конец войнам и насилию. За мир мы заплатили горькой ценой прерванных жизней

миллионов, пострадали мир. Мы помним «лет кровавых пламенных брызги», помним товарищей, павших на фронтах Великой Отечественной.

Мир во всем мире!
Мир во всем мире!
Это не голос робких и сонных,
Это не страх коленопреклоненных, —
Это вызывает сердце народа,
Помня июнь сорок первого года,
Помня кипящие местию грозовой Черное море, волны Азова,
Крылья Гастелло, Бреста атагу,
Знамя Победы в дыме рейхстага —

так я понимаю, что такое священная память о погибших. Вера в мир, в победу добра, справедливости еще долго будет волновать поэтов, всех честных людей доброй воли.

— В одном из интервью вы говорили о «собственной» модели Грузии: ПОД ЗЕМЛЕЙ — погребенных веками следах древней цивилизации; историей: НА ЗЕМЛЕ — нынешней Грузии с ее большими и малыми городами, снежными вершинами, цветущими виноградниками, веселыми и открытыми людьми — тружениками, поэтами, певцами; и НАД ЗЕМЛЕЙ — Грузии, воссозданной в поэзии. Не могли бы вы сказать об этом подробнее?

— Поэзию не случайно называют биографией души народной. Ведь задолго до письменности эпос донес нам отголоски реальных страстей, страхов, надежд наших предков. Он отражал жизнь и полет мечты. Настоящая поэзия и настоящие поэты, никогда не отрывались от жизни. Поэт ебтирает в свое сердце все — и прошлое, и настоящее, и будущее. Поэзия — это не книжная лавка и не склад, где разложены по полочкам с ярлыками «история», «жизненный опыт», «чистая поэзия», «фантазия» те или иные события, факты. Поэтому необходимо знать и чувствовать многое. И историю культуры, и глубинные общественные и социальные процессы, и специфику как национальных, так и межнациональных связей, — все то, что волнует людей сегодня, чем программируется будущее. Когда меня впервые выбрали в Верховный Совет республики, я считал себя ответственным за все «три Грузии». Ведь деятельность 15 постоянных комиссий Верховного Совета охватывает все стороны жизни — промышленность и сельское хозяйство, литературу и искусство, охрану окружающей

среды, работу с женщинами, молодежью.

Поэт начинается с удивления и с желания помочь людям. Душа поэта, как я писал в одном из стихотворений, и разъяренный лев, и колесница, мчащаяся над бездной, и песнь любви, и схватка мировая, пылающий апрель и тучный щедрый сентябрь. Если поэту удастся вобрать в себя все это, создавая песни, необходимые людям, в его Поэзию вливаются новые бесценные строки.

— Грузинская советская культура пользуется высоким авторитетом. Что вы можете сказать о ее сегодняшнем дне?

— Последние годы в республике характеризуются заметным взлетом художественного творчества. И тут, конечно, большую роль играет направляющая деятельность ЦК Компартии Грузии.

Разумеется, достижения литературы и искусства связаны с социальным, экономическим и политическим развитием советского общества, их нельзя рассматривать в отрыве от борьбы за человека, за повсеместное утверждение коммунистической морали.

Хотелось бы отметить также, что в последние годы в грузинской литературе усилился интерес к большим эпическим формам. Появился ряд романов, в которых нашла отражение созидательная сущность нашего общества. Интенсивно развивается художественная публицистика.

— Одной из магистральных тем вашего творчества является тема Руставели...

— По-моему, это вполне естественно, ибо для каждого грузина и тем более для грузинского поэта Руставели является не только символом поэзии, но и Родины. Всего того, что мы любим и чем гордимся.

Здесь я хочу привести слова выдающегося русского поэта Николая Тихонова: «Великий образ Руставели, создавшего бессмертную книгу «Витязя в тигровой шкуре», известен во всем мире. К нему время от времени обращаются художники, скульпторы, графики, поэты, чтобы снова и снова изобразить его самого или героев его замечательной книги. Для новых поколений он сохранил притягательную, волшебную силу, и сама судьба его, скрытая в легендарных напластованных веках, до сих пор не была до конца прояснена».

Мне эта тайна Руставели не давала покоя начиная с юношеских лет. Во время моих путешествий по восточным странам я всюду пытался найти хоть какие-нибудь

следы Руставели. В 1960 году по решению партии и правительства я вместе с известными грузинскими академиками Акакием Шанидзе и Георгием Церетели отправился в Иерусалим. Были основания предполагать, что именно в Иерусалиме провел Руставели свои последние дни жизни. Наша экспедиция и данные, обнаруженные в те годы, подтвердили достоверность этой гипотезы.

В цикле стихов о Руставели в сборнике «Палестина, Палестина!» я хочу представить, что думал и переживал великий поэт у порога смерти в своем последнем убежище вдали от родины.

Искать следы Руставели, передать его «голос» потомкам было для меня великим счастьем. Руставели обращался через века к потомкам, и подхватить его голос, не прерывая связи времен, — наш великий долг и наша обязанность.

— Вам как академику приходится заниматься и научными исследованиями. Каковы взаимоотношения поэзии и науки?

— Я их никогда не разделяю. Ведь утверждают физики, что красота формул, четкость логического мышления сравнима с поэзией. Мне кажется, что творческое начало присутствует и в воспитании ребенка, и в создании станка, и в открытии закона. Наукой — историей, языкознанием, философией и другими — мне приходится заниматься как главному редактору Грузинской Советской Энциклопедии. Сам факт создания энциклопедии свидетельствует о высоком научном, культурном, духовном потенциале нации. О выпуске грузинской энциклопедии мечтали еще в XIX веке лучшие сыны Грузии. Но только сейчас, в советское время, эта мечта осуществилась. Первый том Грузинской Советской Энциклопедии в 1976 году на Всесоюзном конкурсе искусства книги был удостоен Диплома первой степени. Я держу в руках том ГСЭ, посвященный 60-летию образования СССР, двуязычный, на грузинском и русском. В нем историческое прошлое и настоящее Грузии, общественная жизнь, материальная и духовная культура вчера и сегодня. И я счастлив!..

— Три года тому назад страна отпраздновала ваше семидесятилетие. Как чувствует себя поэт в этом возрасте?

— Истинная старость, мне кажется, приходит тогда, когда сердце молчит. А мне еще многое хочется передать людям.

Что касается юбилейных дифирамбов, то я хочу повторить слова нашего прославленного ученого, академика Нико Мухелишвили, которые он произнес в день своего 80-летия: «Я нахожусь в том возрасте, когда вскружить мне голову уже невозможно!».

Беседу вел
Г. ЧАРКВИАНИ.

Фото В. Савостьянова
(ТАСС).